

УДК 1(091)

И.Ш. Шенгелая, канд. филос. наук, доцент*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053**E-mail: fsn-sntu @ gmail.com***ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ РЕЗОНАНС В РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

Отслеживаются обращения российских и советских философов к анализу и критике феноменологической философии Э. Гуссерля и их собственные феноменологические разработки.

Феноменология, представляющая собой одно из наиболее значительных и влиятельных методологических направлений в философии XX века, обрела самостоятельный статус на рубеже XIX – XX веков, что связано в первую очередь с работами немецкого философа Эдмунда Гуссерля. Но уже в начале XX века, гораздо раньше, нежели в других странах, начинается освоение опыта гуссерлианской феноменологии в России: материалы по феноменологической философии включаются в лекционные курсы, публикуются посвященные ей статьи, наконец, именно в России была осуществлена публикация первых зарубежных переводов важнейших произведений раннего Гуссерля – первого тома «Логических исследований» в 1909 году и «Философии как строгой науки» в 1911-м. И это не было данью моде на новое западное веяние в философии. Дело в том, что эти годы (1901-1910) феноменология была мало известна даже в самой Германии. Достаточно сказать, что свою первую профессорскую кафедру Гуссерль получил только в 1916 году, а всеевропейское, тем более мировое признание, пришло еще позже.

Глубокий интерес, проявленный русскими философами к идеям Гуссерля, был вызван тем, что эти идеи были восприняты как нечто близкое, ожидаемое, созвучное исканиям русских религиозных мыслителей XIX века. Совершенно новаторская, казалось бы, трактовка сознания Гуссерлем, тем не менее, обнаруживает существенную внутреннюю сродственность с постановкой проблемы сущности сознания в 30-е – 40-е годы XIX века ранними славянофилами И.В. Киреевским и А.С. Хомяковым. В разработанной ими концепции «живознания» утверждается целостность духовной жизни человека, где акты субъективного сознания в его движении от наслаждения предметом в живом созерцании до полного уразумения его идеальной предметности оказываются столь же действительными, как и данный в этих актах внешний мир. Но в чем наиболее мощно перекликается творчество славянофилов с выводами позднего Гуссерля 30-х годов XX века, а, по сути почти на столетие предвосхищая эти выводы, так это в фиксации глубочайшего кризиса научного сознания, в который погружается европейская культура, навязывающая этот кризис всему человечеству, и определении пути преодоления этого кризиса через принципиально новое – некартезианское и некантианское – решение проблемы сознания (а для Гуссерля плюс к этому – антипозитивистскую трактовку научного познания). В 70-е годы XIX века профессор Санкт-Петербургской Духовной академии М.И. Каринский, не употребляя разработанные учителем Гуссерля Францем Brentano термины «интенция» и «интенциональность» (ключевые и в рамках феноменологии самого Гуссерля), фактически очень близко подходит к весьма похожей проработке проблемы сознания. Он утверждал, что между явлением и действительностью отсутствуют принципиальные различия, поскольку состояния восприятия и мысли и есть действительность.

Близок к идеям феноменологии в своих поздних трудах и В.С. Соловьев (возможно под влиянием Каринского). Итог своих философских исканий он обозначает как «философию прима», философию абсолютной достоверности и принципиальной беспредпосылочности. Такую абсолютную достоверность русский мыслитель обнаруживает «в наличной действительности, в факте, как таком, в том, что дано». И совершенно феноменологически Владимир Сергеевич Соловьев эту «наличную действительность» трактует через «присутствие таких-то ощущений, мыслей, чувств, желаний», то есть существующую как «состояние сознания» [1, с. 793].

На идеи сверхиндивидуальной основы сознания тогда же выходит С.Н. Трубецкой. В своей работе «О природе человеческого сознания» он писал «человеческое сознание не есть мое личное отправление только, но... есть коллективная функция человеческого рода» [2, с. 495]. Надиндивидуальную универсальность сознания Трубецкой обозначает термином «соборность» аналогичному термину Гуссерля – «трансцендентальная intersубъективность». В своей метафизике сознания Сергей Николаевич Трубецкой приходит к следующему выводу: «Поскольку внутренняя метафизическая соборность сознания осуществляется мыслью и словом, становится реальной, мы познаем вещи истинно, объективно, всеобщим и необходимым образом... Позитивность опыта, то есть восприятие самобытной, независимой от нас реальности, и возможная логичность знания предполагают коренную, существенную соборность сознания, ибо все логические функции, направленные на познание реальности и общего, превышали бы компетенцию индивидуальной личности, если бы она не заключала в себе сверхличного начала» [2, с. 497].

Эта переключка идей вполне объясняет тот значительный резонанс, который вызвало в русских философских кругах появление на рубеже веков феноменологии Гуссерля.

Одним из первых, а возможно первым, отреагировал на возникновение новой концепции профессор Киевского университета Г.И. Челпанов. В самом начале XX века в рамках организованного им психологического семинариума Челпанов посвятил ряд занятий рассмотрению теории сознания Ф.Брентано и Э.Гуссерля. Через несколько лет он продолжил эту практику и в Московском университете.

Несколько позднее последовали печатные отклики на сочинения Э.Гуссерля, а именно на двухтомник «Логические исследования», Н.О.Лосского, Г.Э.Ланца, Б.В.Яковенко. Любопытно, что последний обратил внимание на то, что Э.Гуссерля, математика по университетскому образованию и первичным научным интересам, подвинул на занятия философией его моравский земляк Томаш Масарик, видный чешский философ (с 1918 по 1935 год – первый президент Чехословацкой республики). А поскольку Масарик был в то время лучшим знатоком русской философии, которой посвятил несколько трудов (кстати немецкоязычных), возможно, он приобщил к некоторым идеям русских философов и неопита Гуссерля, так что весьма вероятна и обратная связь гуссерлианской феноменологии с созвучными мотивами русской философии XIX века.

Возвращаясь к русской гуссерлиане, следует отметить, что обращение русских мыслителей к идеям Гуссерля не привело к безоговорочному признанию новой философии, скорее здесь имело место ее критическое рассмотрение. Правда, достоинства и недостатки гуссерлианской феноменологии оценивались в каждом конкретном случае на основе собственного философского кредо. Так, Н.О.Лосский сочувственно определял позицию Гуссерля как возврат к реализму (в средневековом смысле), а Б.В.Яковенко, напротив, считал, что феноменологии не удалось преодолеть психологизм и это толкало ее к субъективизму и солипсизму.

Но, пожалуй, самым ярким критиком философии Гуссерля был Лев Шестов, который неоднократно на протяжении 10-х, 20-х, 30-х годов обращался к творчеству немецкого мыслителя. Иррационалист и экзистенциалист Шестов остро критикует то, что ему представлялось «сверхрационализмом» Гуссерля. Основную направленность философии немецкого мыслителя (как и его предшественника Спинозы) Шестов видел в том, «чтобы окончательно выкорчевать из человеческого сознания остатки и пережитки веры в то, что кроме разума могут быть какие-либо иные закономерные источники познания» [3, с.372]. Согласно Шестову, поставив своей задачей сделать философию «строгой наукой», Гуссерль противопоставил философию мудрости, поскольку последняя выходит за рамки рациональности, диктующей «принудительную истину». Идеи последовательного рационализма русский философ возводит к Сократу, с которого, вторя Ф.Ницше, он ведет отсчет падения философии. В современных условиях такой знаковой фигурой рационалистического крена философии становится, согласно Шестову, Эдмунд Гуссерль. При этом у Шестова происходит явное сгущение красок, ведь, сосредотачиваясь на раннем творчестве феноменолога, прежде всего его труде «Философия как строгая наука», он явно игнорирует последующую эволюцию Гуссерля в сторону трансцендентализма. Правда, при полном неприятии теоретических позиций основателя феноменологии Шестов всегда с глубоким уважением относился к личности своего оппонента. Их личное знакомство состоялось в 20-е годы и переросло в удивительную дружбу философских «антиподов». По свидетельству самого Шестова, именно Гуссерль обратил его внимание на наследие «Киркегарда» (так русский мыслитель транскрибировал фамилию датского философа Серена Кьеркегора), исследованию творчества которого Шестов посвятил одну из своих лучших книг. На смерть немецкого друга русский мыслитель написал проникновенный некролог. Это стало последним печатным выступлением Шестова, который скончался в том же 1938 году.

Среди русских философов были и прямые гуссерлианцы. Крупнейшим из них был Г.Г.Шпет, посещавший лекции Э.Гуссерля в Геттингене, позднее состоявший в переписке с «отцом» феноменологии и удостоенный от него похвалы в качестве «достойного ученика». Шпет создал свой оригинальный вариант феноменологической философии. Основную задачу своего философствования русский философ видел в обнаружении доказательного основания положительной философии, четко отграничивая ее от философии отрицательной. Такое основание он находил в положительной тотальности всей действительности, действительности всего сущего, тем самым соглашаясь со справедливостью убежденности здравого смысла в реальности мира и отвергая все сомнения отрицательной философии. Положительная философия осознает взаимоутверждение бытия и сознания, тогда как отрицательная философия предполагает их взаимоотрицание. Примеры такой отрицательной философии Шпет находит у Протагора, Локка, и более всего у главного, как ему представляется, оппонента феноменологии – Канта. В свою очередь опыт положительного философствования представляли Платон, Декарт, Спиноза, Гегель и, наконец, Гуссерль. Именно последний наиболее остро поставил вопрос о необходимости связи очевидности и тотальности, но при этом остановился на тотальности сознания, а Шпет предложил гораздо более широкую трактовку – тотальности всей

совокупной действительности. Феноменология Шпета – это не гуссерлианская феноменология сознания, а феноменология всей действительности. Сущность феномена, по Шпету, состоит в том, что он представляет собой некое состояние, в котором осуществляется переход от части к целому, от индивидуального к тотальному. Таким образом, феномен – это не изолированная частность, а элемент, в котором просвечивается целое. Обнаружение в феномене сущности предмета открывает герменевтические возможности феноменологии. Эту феноменологическую герменевтику Шпет плодотворно применял в таких научных сферах, как семиотика, эстетика, психология, социология.

Во второй половине 20-х годов к освоению опыта феноменологического философствования приступает А.Ф. Лосев. Он устанавливает, что «феноменология Гуссерля исходит из непосредственной очевидности и интеллектуально-интуитивной данности всех смысловых структур» [4, с. 866]. При этом смысл берется Гуссерлем «без всякого становления», статично, неподвижно. Эта «оцепенелость», «застылость» феноменологии Гуссерля не устраивает Лосева, как и то, что метод немца состоит в описании смысловых структур, даже не претендуя на их объяснение. Философский поиск Лосева приводит его к осознанию необходимости соединения синтеза феноменологического и диалектического методов на пути возвышения «платоновско-гуссерлианской эйдологии» до «символологии». Философия, по Лосеву, призвана стать «теорией символа», выйдя на качественно новый уровень.

С начала 30-х годов развитие феноменологии в СССР было насильственно прервано. Феноменологи – Г.Г. Шпет (и круг его учеников) и А.Ф. Лосев – были репрессированы. На протяжении последующих десятилетий феноменология в советских источниках рассматривалась лишь в остро критическом ключе как разновидность крайне реакционной буржуазной субъективно-идеалистической философии. Хотя подобная конъюктурно-заидеологизированная оценка оставалась типичной для словарной и учебной литературы, уже начиная с середины 60-х годов в Советском Союзе стали появляться серьезные научно- и философски-объективные исследования феноменологической философии.

Широкий резонанс в советских и зарубежных философских кругах вызвал выход в свет в Тбилиси в 1966 году книги грузинского философа, писавшего на русском языке, З.М. Какабадзе «Проблема «экзистенциального кризиса» и трансцендентальная феноменология Эдмунда Гуссерля». [5]. Характерно, что Какабадзе обратился к анализу позднего этапа творчества немецкого феноменолога. В противовес официозным оценкам грузинский философ сумел продемонстрировать глубину и масштабы феноменологической философии, антинатурализм и антипозитивизм, которой позволил реализовать новые возможности познающего разума. Какабадзе показал, что в своей критике позитивистских корней кризиса европейского научного сознания Гуссерль был предшественником и союзником экзистенциалистов, в том числе крупнейшего из них – своего ученика М. Хайдеггера. В зафиксированном Гуссерлем и экзистенциалистами кризисе западной науки Какабадзе разглядел признаки кризиса капиталистической цивилизации как таковой, проявившегося тем самым в тоталитарных (в терминологии грузинского философа «фашиствующих») формах отчуждения разумной деятельности. Чуткий к подцензурным аналогиям советский читатель смог разглядеть в этих выводах З.М. Какабадзе косвенную критику тоталитаризма советского режима.

Столь же положительный отклик получила у компетентных читателей и изданная два года спустя в Москве небольшая по объему, но весьма содержательная монография Н.В. Мотрошиловой «Принципы и противоречия феноменологической философии». [6]. В данной книге был осуществлен четкий и едва ли не всесторонний анализ философии Э. Гуссерля через все этапы ее становления и развития.

С рядом публикаций о феноменологии выступил в 60-е – 80-е годы Э.В. Соловьев. Особого внимания заслуживает его статья «История и этика в феноменологии позднего Гуссерля», опубликованная в журнале «Вопросы философии» в 1978 году [7]. В этой статье автор, неожиданно для советских интерпретаций феноменологии, характеризует Гуссерля как продолжателя и завершителя классической традиции научности философии, резко отграничивая его творчество от позиций философов-модернистов Ницше, Фрейда, Хайдеггера.

В своих публичных выступлениях видный советский философ М.К. Мамардашвили, работавший как и З.М. Какабадзе на русском языке, постоянно подчеркивал, что феноменология является необходимым элементом философствования как такового, но большинство текстов этих выступлений увидели свет после смерти мыслителя в 1990 году. В целом можно сказать, что посмертные публикации обширного философского наследия Мамардашвили раскрыли подлинный масштаб выдающегося грузинского мыслителя и сделали очевидным феноменологическую ориентацию как доминанту его творчества.

За последние полтора десятилетия наблюдается мощное возрождение феноменологии в постсоветском пространстве – в Украине, России, Белоруссии, других странах. За эти годы были опубликованы основные сочинения как западных, так и отечественных феноменологов. Феноменологические общества, как активные участники Международного феноменологического общества с центром в Праге, действуют в настоящее время в Украине и России.

Библиографический список

1. Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Первое начало теоретической философии / В.С. Соловьев. — М.: Мысль, 1988. — С. 758–797.
2. Трубецкой С.Н. Сочинения. О природе человеческого сознания / С.Н. Трубецкой. — М.: Мысль, 1994. — С. 486–592.
3. Шестов Л. Сочинения: в 2 т. Т.2. На весах Иова / Л. Шестов. — М.: Наука, 1993. — 560 с.
4. Лосев А.Ф. Вещь и мысль / А.Ф. Лосев // Бытие – имя – космос. — М.: Мысль, 1993. — С. 802–880.
5. Какабадзе З.М. Проблема «экзистенциального кризиса» и трансцендентальная феноменология Эдмунда Гуссерля / З.М. Какабадзе // Проблема человеческого бытия. — Тбилиси: Мецниереба, 1985. — 185 с.
6. Мотрошилова Н.В. Принципы и противоречия феноменологической философии / Н.В. Мотрошилова. — М.: Высш. шк., 1968. — 128 с.
7. Соловьев Э.Ю. История и этика в феноменологии позднего Гуссерля / Э.Ю. Соловьев // Вопросы философии. — 1978. — № 6. — С. 128–141.

Поступила в редакцию 15.09.2008 г.